

Н. В. Бардина

РОМАН ЯКОБСОН И СОВРЕМЕННАЯ ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Человек — удивительное создание: даже отдавая себе отчет в том, что все его представления о мире — это всего лишь идеальный конструкт из усвоенных им знаний, его предпочтений, эмоций, он все равно убежден в объективности существования «вещей», названных словом, отношений между ними, их свойств.

Такая убежденность даже в науке порождает непонимание, вызывает жаркие дискуссии. С подобными случаями всем приходилось сталкиваться. Помнится, совсем, казалось бы, недавно абсолютно серьезно обсуждались вопросы, из скольких уровней **действительно** состоит язык и к какому из них отнести, например, интонацию, можно ли считать лингвистическим фактом разговорную речь и т. п.

Написать данную статью меня побудили два коротких замечания.

Первое: На одном из авторитетных научных совещаний вдруг прозвучал вопрос, заданный в риторической форме: «А что такое «прикладная лингвистика»? Языковеды сами этого не знают».

Второе: После того как оргкомитет конференции «Проблемы прикладной лингвистики», посвященной памяти Р. О. Якобсона, разослал предварительную информацию, пришло одно знаменательное письмо, в котором говорилось: «С удовольствием приму участие в вашей конференции, хотя не понимаю, какое отношение Якобсон имеет к прикладной лингвистике».

В сложившейся ситуации, как говорил Лев Толстой, «не могу молчать».

Цель настоящей статьи не в обзоре работ Р. Якобсона, не в анализе его творческого пути. Задача состоит в попытке совместить эпистемологическую сеть современного прикладного

языкознания с гносеологическими координатами работ «Эйнштейна лингвистики». Идеи Р. Якобсона воспринимаются нами сейчас не в хронологическом ракурсе, а симультанно, сквозь призму проблем науки XXI столетия. В этом особенность научного мышления вообще: достигнув какого-то этапа, мы не осознаем зачастую, что собственно заставило нас смотреть на вещи так, а не иначе, какой путь исканий прошли наши предшественники. Не только прошлое воздействует на нас, но и мы воздействуем на прошлое, трансформируя его соответственно с нашей осведомленностью и потребностями научного сообщества.

Трудно дать дефиницию понятию «человек». Блез Паскаль считал, что это понятие определять даже опасно, и предлагал отнести его к исходным категориям. Еще труднее определить человека великого, каким был Роман Осипович Якобсон. Общеизвестно, что сам он попросил на своей могиле указать просто «русский лингвист», но до сих пор не утихают споры: русский он или нерусский, лингвист или семиотик, культуролог или литературовед, или все вместе взятое. Достаточно сравнить хотя бы несколько статей из различных энциклопедий и словарей, посвященных Р. О. Якобсону, чтобы убедиться в многогранности и синтетизме этой личности, неоднозначности толкований его наследия.

К какому бы вопросу ни обращался Р. Якобсон, какую бы тему ни затрагивал — вплоть до самой, на первый взгляд, незначительной, — он четко определял место своих исканий в общей системе меняющихся научных воззрений, заглядывая и в далекую античность, и за горизонты науки будущего, не теряя ни на мгновение связи с человеком как центром познания.

Именно эта его черта и обусловила, прежде всего, тот факт, что современная прикладная лингвистика немыслима сейчас без имени Романа Осиповича Якобсона, творчество которого во многом сделало нашу науку такой, какая она есть, и открыло перспективы, которые только сейчас могут быть пусть не реализованы, но хотя бы осознаны.

Безусловно, «было бы нелепостью, — писал Р. Якобсон, цитируя Ф. де Соссюра, — рисуя панораму Альп, фиксировать ее одновре-

менно с нескольких вершин Юрских гор, панорама должна быть зафиксирована с одной точки» [28: 88]. В данном случае такой вершиной должно стать определение самой прикладной лингвистики. К сожалению, действительно, до сих пор в среде не только неспециалистов, но самих лингвистов бытует весьма туманное представление об этом разделе научного знания. В словарях различного типа прикладная лингвистика традиционно толкуется как направление языкознания, связанное с практическим решением вопросов использования языка или разрабатываемые методы решения этих задач. При этом остается не проясненным, что такое «практическое решение вопросов», авторы стремятся элементарно перечислить задания прикладной лингвистики, относя к ним создание систем транскрипции устной речи, транслитерации иностранных слов, систем стенографии, искусственных языков, автоматизированных систем информационного поиска; стандартизацию терминологии; разработку методов автоматического аннотирования, реферирования, машинного перевода; создание синтезаторов речи. В некоторых случаях очерчиваются основные направления, которые преимущественно связывают с автоматизацией переработки языковой информации [подробнее см.: 4].

Перечень, который мы встречаем в словарях, с одной стороны, возможно, обусловлен стремлением отгородить «нашу» прикладную лингвистику от «западной», потому что практически никто из авторов не упоминает теорию и методику преподавания иностранных языков, хотя именно такое содержание прикладной лингвистики было традиционно принято на Западе. С другой стороны, проблема вызвана наличием в нашей стране специальности, в соответствии с которой квалифицируются научные диссертации, — «Структурная, прикладная и математическая лингвистика», возникшей в 60-е годы, когда еще лингвистическая рефлексия была не в моде, — что привело к терминологической путанице из-за соединения эпистемологически различных понятий *структурный*, *математический* и *прикладной* [подробнее см.: 6].

Конечно же, невозможно определить науку перечнем ее задач: известно, что они меняются в зависимости от уровня знаний в

обществе и социальных условий развития государства, но при этом сохраняется тождественность самой науки, преемственность идей и направлений.

Не проясняет ситуации и определение, основанное на противопоставлении терминов «прикладной» — «теоретический», через которое, кстати, толкуется слово «прикладной» в словарях. Это сводит прикладную лингвистику к «практической деятельности» по приложению научных знаний [1: 7], то есть фактически делает не наукой, а ремеслом.

Вместе с тем «теоретический» — это не только «полученный путем отвлеченно-логических операций или математических расчетов» [20, IV: 354], но и «рассматривающий вопросы какой-либо науки». Теория же — «в широком смысле — комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле — высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории» [23: 676]. Иными словами, теория — это совокупность обобщенных положений, которые лежат в основе любой науки.

Вообще ни одна наука не может иметь «чисто» практическую направленность. Для того, чтобы применить что-либо на практике, необходимо, прежде всего, установить, *что* и *как* можно применить. Практической может быть деятельность вообще, но не научная деятельность. И если прикладная лингвистика — наука, она обязана иметь свою рациональную составляющую — теорию, собственную эпистемологию. Теория выступает как наиболее совершенная форма научного обоснования и программирования практической деятельности. «При этом роль теории не ограничивается обобщением опыта практической деятельности и перенесением его на новые ситуации, а связана с творческой переработкой этого опыта, благодаря чему теория открывает новые перспективы перед практикой, расширяет ее горизонты [23: 677].

Следовательно, в прикладной лингвистике должна существовать особая «теория приложения», которая бы не только

обобщала применение лингвистических знаний, но в соответствии с потребностями общества и уровнем развития лингвистического знания вообще **прогнозировала** возможности такого применения и модифицировала предмет языкознания.

Нельзя не учитывать терминологического значения и слова «*практический*».

Если учитывать, что в методологии науки *практика* (от греч. *πρακτικός* — *деятельный, активный*) — «вся совокупность деятельности людей, направленная на освоение и преобразование природы и общества, составляющая движущую силу развития общества и человеческого познания» [20, III: 358], то и прикладные науки, ориентированные на практику, направлены на преобразование мира, изменение социальных объектов, и противопоставлены они не теоретическим наукам, а так называемым «классическим», «чистым».

Классические науки отличаются большей имманентностью, замкнутостью на внутренних законах научного моделирования. Они не пересекаются с другими науками, «не вмешиваются» в проблемы общества, поэтому и получили название «чистые». Замечу, что именно термин «чистый» и использует Роман Якобсон как антоним для термина «прикладной» [33: 375].

Прикладная лингвистика отличается от классической, прежде всего, моделированием языка как ориентированной вовне деятельности, то есть специфически человеческой активности, осуществляемой при помощи определенных средств и направленной на изменение существования человека и общества, изменение других наук.

Иными словами, теория прикладной лингвистики должна разрабатывать такую модель языка, которая предполагала бы а) системную встроенность субъективного элемента в предмет исследования, б) «пограничную» сферу существования данного раздела науки: не «на стыке» различных областей знания, а в интегрированном поле языковой и неязыковой реальности, в) энергеальную прогностическую силу внедрения в социум.

Внимательное изучение наследия Р. Якобсона убеждает, что именно таким виделись великому ученому основные черты современной лингвистики вообще, а не только прикладной ее части.

Прикладные исследования характеризуются перенесением центра тяжести на результат. Промежуточные звенья, исходные постулаты могут быть очерчены лишь приблизительно, но результат должен просматриваться отчетливо [17]. Гениальность Р. Якобсона проявляется в том, что каждое его рассуждение, в принципе, носило прикладной характер, так как любое теоретическое построение было *векторным*, намечающим дальнейшую цепную реакцию, нацеленную на *результат*.

В основе эпистемологии любой науки лежит дефиниция ее предмета. Известно, что в структурной парадигме язык представлялся в виде системы знаков. Р. Якобсон не отвергал идеи семиотичности языка, но трактовал ее, в отличие от соссюринанства, опираясь на полузабытые воззрения античных стоиков и теорию Чарльза Пирса и возрождая вечный вопрос, который обсуждался в замечательном диалоге Платона «Кратил»: закрепляет ли язык форму за содержанием «по естеству» или «по соглашению».

В одной из последних своих статей «В поисках сущности языка» (в Советском Союзе впервые опубликованной в «Сборнике переводов по вопросам информационной теории и практики») Р. Якобсон подчеркивает, что главенствование сформулированного Ф. де Соссюром принципа произвольности языкового знака имело неисчислимы последствия, свехупрощая и ограничивая лингвистические построения. Типология знаков, предложенная Ч. Пирсом, разделение их на иконические знаки, индексы и символы, обладает, по мнению Р. Якобсона, мощным потенциалом.

Важными для нас в данном случае представляются следующие положения статьи.

Если учитывать, что под иконизмом знака Пирс подразумевал не только образность, но и отражение отношения частей означаемого (диаграммность), в языковых формах, аранжировке слов в предложении можно обнаружить системное сходство между означающим и означаемым. «Рассмотрение различных множеств диаграмм, — пишет Р. Якобсон, — приводит Пирса к утверждению, что «каждое алгебраическое уравнение является иконическим знаком, поскольку оно представляет с помощью алгебраических

знаков [...] отношения соответствующих количеств». Любая алгебраическая формула оказывается иконическим знаком в силу правил коммутации, ассоциации и дистрибуции символов. Таким образом, «алгебра — лишь один из разновидностей диаграммы», а «язык — лишь один из видов алгебры» [40: 117].

Здесь уместно вспомнить толкование алгебры и математики Декартом. В своем знаменитом трактате «Правила для руководства ума» он утверждал, что к области математики относятся все науки, «в которых рассматривается либо порядок, либо мера, и совершенно несущественно, будут ли это числа, фигуры, звезды, звуки или что-нибудь другое, в чем отыскивается эта мера» [8: 93—94].

Если использовать античное толкование *Логоса* как «Языка-Разума-Числа» и рассматривать математическое знание как единство эмпирического и рационального, структурного и символического, то тогда, действительно, науку о языке можно рассматривать как часть общей математики, которую и называют алгеброй.

Иллюстрируя разнообразными примерами положение о том, что «и в синтаксисе, и в морфологии любое отношение частей и целого согласуется с пирсовским определением диаграмм и их иконической природы» [40: 119], Р. Якобсон фактически обращается к античной идее Числа.

Вспомним, что Пифагор доказывал, что все вещи вообще — только числа. Все в мире может изменяться, даже люди изменяются и внешне, и внутренне, но они остаются самими собой, если в их душе сохраняются правильные пропорции. Поиски числа в античности были методом выявления гармонии Космоса и микрокосма (=человека) [подробнее см.: 2].

Таким образом, сопоставляя сущность языка с сущностью Числа, мы неизбежно переходим к сущности человека и поискам его места в пространстве и времени. Не случайно размышления Р. Якобсона над различием иконических и символических знаков сливаются с размышлениями над триадой бытия: *прошлое, настоящее, будущее*. Эту связь наметил еще Чарльз Пирс, посмертную работу которого «Экзистенциальные графы» Р. Якобсон цитирует в заключение своей статьи: «Бытие иконического

знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора. [...] Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее» [40: 126]. В идеях Пирса Якобсон видит намек на объяснение творческой способности (*energeia*) языка, возможность объединить в едином эвристическом поле семиотику, достижения нейрофизиологии, психиатрии и практику поэтического творчества.

Проблема будущего оставалась для Якобсона центральной со времен его юношеских увлечений футуристической поэзией [10: 27], интерес к афазиологии, взаимосвязи языковой и мозговой деятельности усиливался в течение всей жизни ученого.

На протяжении многих десятилетий Р. Якобсона интересовала психология языка, психолингвистика и нейролингвистика. Изучение афатических расстройств и противоположного, но вместе с тем и родственного круга явлений, относящихся к проблеме овладения языком, были, по признанию самого Р. Якобсона, одними из главных объектов его исследований. Еще в 1939 году, в докладе, подготовленном для V Международного конгресса лингвистов, Якобсон наметил общие законы, управляющие афатическими расстройствами речи. Позднее он попытался обрисовать лингвистическую точку зрения на афазию и отстаивал необходимость такой классификации афатических синдромов, которая бы основывалась на «едином медико-лингвистическом подходе».

Статья «Мозг и язык» [30], представляющая собой лекцию, прочитанную 6 мая 1980 года в Нью-Йоркском университете, в сжатой форме содержит обзор новейшей литературы о спецификации зон мозга в распознавании и порождении языковых единиц. В ней отразилась страстная заинтересованность ученого данной проблемой.

Взаимосвязь левого полушария со структурированными символами, будущим временем, глаголами, синтаксическим

подчинением, грамматическими шифтерами (показателями связи сообщения с актом речи), а правого — с образами, метафорами, прошлым, чувственным познанием нашла подтверждение и в афазиологии, и в особенностях художественного творчества.

В работах, посвященных творчеству Б. Пастернака, В. Маяковского [37; 38], в знаменитой статье «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» [39] (вариант — «Лингвистические типы афазии» [31]) Якобсон убедительно демонстрирует, как использование языковых знаков, речевых форм отражает акцентуацию сознания Номо loquens, его вхождение в мир и бегство от этого мира.

Даже последняя напечатанная при жизни Р. Якобсона заметка «Ускользящее начало» (1982) посвящена именно проблеме нейролингвистики. При этом в ней намечено чрезвычайно интересное направление: выявление параллелизма между системой письма, принятой в определенной культуре, и полушарной акцентуацией [36].

Подчеркивая ценность последних трудов Якобсона, посвященных соотношению языка и мозга, Вяч. Вс. Иванов утверждает, что она, в основном, заключается в их общесемиотической ориентированности [10: 27]. Однако с точки зрения «поиска сущности языка», можно утверждать обратное: ценность общесемиотических работ Якобсона — в их нейрофизиологической, антропологической ориентированности.

Представляется, что взгляды этого вечного новатора в лингвистике, напоминающего о прочно забытых истинах, последовательно *психосемиотичны*: знак для него — это стержень сложной биосоциокогнитивной системы, каковой является человек, это *модель порядка* особого рода.

Поэтому, кстати, странно, что в некоторых современных справочниках Якобсона безоговорочно связывают с классическим, «чистым» структурализмом, упрекая в том, что его концепция якобы не учитывает семантику, контекстуальность языка, лингвистический и социальный творческий потенциал [13].

Такую «справочную» литературу можно отнести разве что к казусам. Сам Р. Якобсон пояснял, что «легенда о «воинствующем

антипсихологизме», который якобы был свойственен структурализму, основывается на недоразумении. Когда феноменологически ориентированные лингвисты выдвинули лозунг антипсихологизма, они использовали этот термин так же, как и Гуссерль, противопоставлявший модель новой феноменологической психологии, в которой основополагающая роль отводится понятию целенаправленности (intentionality), традиционному бихевиоризму и другим разновидностям психологии, изучающим соотношения стимула и реакции» [33: 408].

В различных статьях Р. Якобсона можно обнаружить вспышки идей, которые позволяют наметить общие черты психосемиотики — науки о системе знаков, возникающей и проявляющей себя в психологических, когнитивных процессах говорящего и слушающего.

Поддерживая идеи Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы, которые предложили ввести в рассмотрение лингвистики языковое сознание говорящего, Р. Якобсон замечает, что уход в область традиционной психологии неудобен тем, что «обычно очень трудно установить границу между сознанием и бессознательным» [28: 50]. Интраперсональный вектор должен быть направлен на моделирование целостной когнитивной системы человека. Проблема бессознательного в языке настолько остро была поставлена Р. Якобсоном, что именно его идеи оказали значительное влияние на всю школу психоанализа, в том числе на Жака Лакана, который стремился проникнуть в тайны человека через переосмысление бессознательного на лингвистической основе, используя в качестве модели труды Якобсона.

В статьях, посвященных детской речи, Р. Якобсон связал воедино различные когнитивные системы человека, предположив, что очередность появления фонематических противопоставлений в онтогенезе связана с силой звукового хроматизма [29].

В всех работах Романа Якобсона отчетливо видно, как наполнение даже традиционных направлений прикладной лингвистики — экспериментальной фонетики, перевода — определяется новым «обликом языка».

Так, Роман Якобсон и его последователи предложили дихотомическую модель для построения устройств, анализирующих

и синтезирующих речь [24; 25]. Возможность построения этой модели стала возможной и благодаря появлению соответствующих технических возможностей, и благодаря успехам в исследовании человеческого слухового аппарата, который стало возможным описать как прибор, обладающий определенными количественными характеристиками [10: 153]. Сфера же применения подобных устройств была определена целым рядом задач прикладной лингвистики. Это и компрессия устного сообщения, и управление голосом различными объектами, и машинный перевод устной речи, и быстрое сообщения человеку данных различных приборов.

Несмотря на то, что предложенная классификация русских фонем и не была совершенной, само введение классификации на основе 12 пар различительных фонологических признаков оказалось перспективным не только для прикладной лингвистики, но и для классического описательного и исторического языкознания: изменение фонологической системы на один шаг — различительный признак — наблюдается как при развитии языка целого общества, так и при развитии языка личности, в норме (при обучении ребенка языку) и в патологии (при афазиях) [9: 171—172].

Связь фонологических работ Р. Jakobsona с психологией языка (психолингвистикой) проявилась и в установлении синестетических связей между звуковыми и зрительными, кинестетическими восприятиями. Так, например, в работе «Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты», написанной в соавторстве с Г. Фантом и М. Халле, приводятся экспериментальные данные не только относительно цветовых ассоциаций, вызываемых гласными звуками, но и более тонкие и сложные наблюдения над кинестетическими возможностями высокотоновых и низкотоновых, бемольных и простых, компактных и диффузных и т. д. [24: 192, 197, 198].

По утверждениям авторов этой работы, подобное восприятие характеризовало только «лиц, обладающих высокой синестетической чувствительностью» [24: 197], однако последующие широкомасштабные исследования звукосимволизма, в частности, А. М. Журавлева, показали, что способность связывать

звуки языка с различными представлениями присуща всем носителям языка. Звуковой звуко-символизм стал использоваться не только при создании поэтических текстов, но в любых суггестивных сообщениях. На основе исследований А. Журавлева создано звукоаналитическую часть компьютерной программы VAAL-99, которая получила широкое применения для анализа и продуцирования текстов по заданным параметрам.

Поликодовое моделирование сознания человека — принцип, который лег и в основу знаменитой классификации разновидностей перевода.

В своей классической работе «О лингвистических аспектах перевода» (1966) Роман Якобсон использует когнитивный функциональный анализ языковых единиц и убедительно доказывает, что любой перевод «представляет собой косвенную речь»: хороший переводчик творчески интерпретирует полученное сообщение, но при этом, в первую очередь, учитывает, не то, что *может* быть выражено, а то, что *должно* быть выражено в данном конкретном языке.

В этой же статье он предлагает различать три способа интерпретации вербального знака, три вида перевода, противопоставив собственно переводу *переименование* — интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка — и *трансмутацию* — интерпретацию вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [34: 362]. Именно эти два вида перевода стали в последнее время активно разрабатываться для оптимизации рекламных сообщений, создания телевизионных передач, в разработке технологий речевого воздействия.

Перевод традиционно относился к области прикладной лингвистики, но под воздействием идей Романа Якобсона представление о возможности перекодирования заложенного смысла путем подстановки знаков другого языка заменилось осознанием многомерного идеально-материального конструкта текста, включенного в *логосферу*.

Термин *логосфера* наиболее четко, на мой взгляд, отражает те гносеологические координаты, в которых работал Роман Якобсон.

Лет 20 тому назад, когда лингвисты переживали осознание антропоцентрической ориентации науки, появилась статья Е. Рахилиной, где антропоцентризм противопоставлялся системоцентризму — исследовательскому подходу, при котором предметом исследования была имманентная система языка [18]. Уже тогда мне неоднократно доводилось писать о том, что в основе предложенной терминологической оппозиции лежит методологическое недоразумение: любая теория должна быть системной, разница заключается в том, **что** именно мы избираем в качестве системообразующего признака: *Homo loquens* ('человека говорящего') или абстрагированный от него знак. В последнем случае логичнее говорить не о системоцентризме, а *сигноцентризме*, то есть о построении системы, в центре которой стоит понятие знака.

Понимание знака Романом Якобсоном позволяет выявить еще одну возможность, которая и реализуется, на мой взгляд, в современной ориентации прикладной лингвистики, — это возможность использовать в качестве системообразующего признака *логос*. Античный *логос* — это и Космический Разум, и речь, и порядок, и счет, — все то, в основе чего лежит упорядочение чего-либо исходно хаотичного, говоря современным языком, — структурирование. Понимание логоса включает в себя и картезианское представление об алгебре, всеобщей математике, которая устанавливает порядок между исследуемыми единицами [см.: 2].

Именно таким, *логоцентричным*, был структурализм Якобсона. Именно такое толкование помогает объяснить соединение в его работах Человека, Числа и Мира в систему *логосферы*.

Логоцентрический подход обусловил и синтез различных кодов в сознании и бессознательном, и моделирование психосемиотической системы языковой личности, и обращение к исследованию дискурса.

В языке нет незначимых частей, язык органично включен в систему культуры, общую систему информации.

В короткой заметке «Часть и целое в языке» Роман Якобсон указывает на энергетальную мощь исследований языка, намечая контуры новой парадигмы, в которой язык рассматривается

как историческая вариация на тему о речевой деятельности человека [32: 305].

Изучение языка неразрывно связано с изучением интерперсональной, интраперсональной и полиперсональной коммуникации, с «разнообразными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, вторгающимися в сферу лингвистики». Этот тезис неоднократно высказывался Романом Jakobsonом, на нем построены все его исследовательские работы.

Схема коммуникативного акта, предложенная Р. Jakobsonом, несмотря на многочисленные критические замечания по поводу якобы чрезмерной упрощенности, до сих пор остается матрицей многих прикладных исследований. Заметит, что ее «упрощенность» логически обусловлена прикладным складом ума великого ученого: для того чтобы достичь поставленной цели, всегда необходимо пренебречь деталями, чтобы выявить суть задачи. При этом тончайший анализ языкового сознания личности, который неоднократно проводил Jakobson, восполняет целостную картину языкового существования человека в мире. И Р. Jakobson сам ясно указывал на это, замечая, что психолингвистика как научное описание носителей языка, их личности, внутреннем мире вместе с наукой о коммуникации взаимовыгодно дополняют друг друга [33: 386].

Глобальная коммуникативность как отличительная черта современной лингвистики определила развитие и прикладной лингвистики. «Наблюдаемый в последнее время стремительный прогресс прикладной лингвистики, — писал Jakobson в 1970 году, — с такими ее областями, как языковое планирование и языковая политика, обучение языку, теория коммуникации и т. д., является естественным и правомерным ответвлением современной целенаправленной лингвистической мысли, но чужд сосюрговскому взгляду на лингвистику и господствующей научной идеологии его времени» [33: 411].

К основным признакам современной науки о языке, кроме исчезновения механицизма, антиментализма в лингвистических исследованиях, Роман Jakobson относил тяготение к междисциплинарности, иными словами, в перенесении акцента из области чистой науки в науку прикладную.

Все творчество Романа Якобсона отмечено стремлением к функционализму научных исследований, то есть каждая его работа была ориентирована на определенную внешнюю *сферу* применения результатов: лингвистику, как утверждал Якобсон, нельзя отделять и изолировать от вопросов реального функционирования и роли языка в жизни человека [33: 406].

Примечательно, что в Оксфордской энциклопедии лингвистических терминов, опубликованной в 2005 году, предмет прикладной лингвистики обрисован именно на основании функционального признака: по мнению автора, под «зонтичным» термином объединяются исследования актуального использования языка в разнообразных специфических аспектах, в то время как «теоретическая» лингвистика рассматривает язык как абстракцию [41].

Таким образом, можно утверждать, что методологическая направленность всего творчества Романа Якобсона носила сущностно прикладной характер, аппликативность его изысканий была принципиальной: гениальный ученый не «применял научные знания на практике», а создавал сам предмет исследования в той конфигурации, которая обеспечивала достижение поставленной цели вне данного предмета.

Классической для современной прикладной лингвистики можно считать статью Р. Якобсона «Лингвистика и ее отношение к другим наукам», где предлагается обоснование центрального положения лингвистики в системе всех наук о человеке. Выделенная Ф. де Соссюром «внутренняя», «чистая» лингвистика, по мнению Р. Якобсона, — всего лишь эпизод, этап в развитии теоретической мысли.

Здесь просматривается чрезвычайно продуктивная идея античного антропоцентризма, к которой Якобсон неоднократно обращался: язык — отличительный признак человека, следовательно, наука, изучающая язык, с одной стороны, выступает как главная наука о человеке, а с другой, — является методологической матрицей, обеспечивающей целостность научного знания: «Проблемы взаимосвязей наук о человеке сконцентрированы вокруг лингвистики. Этот факт объясняется прежде всего исключительно регулярной и замкнутой структурированностью

языка и той важной ролью, которую он играет в культуре; с другой стороны, как антропологи, так и психологи признают, что лингвистика является наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук» [33: 369—370].

Лингвистика по своей сущности обладает таким энергетическим потенциалом, что, с одной стороны, транспонирует свои достижения в другие сферы человеческого бытия, в другие науки, а с другой, — объединяет их, поскольку ни одна наука не может существовать без языка. Поэтому наиболее перспективными оказываются именно междисциплинарные исследования.

Отличительные черты современной науки — антропоцентризм, спецификация (повышение авторитета прикладных исследований) и синтетизм (получение новых знаний в рамках проблемной ситуации) — особенно ярко проявляются в новых направлениях прикладной лингвистики, возрождающих античные представления о языке как форме и знаковой энергетике регуляции бытия.

В работах Романа Jakobson мы находим и соответствующие парадигмальные размышления, и конкретные примеры анализа материала, которые обеспечивают современное развитие таких ветвей прикладной лингвистики, как патопсихоллингвистика, психоллингвостемиотика, лингвистическая диагностика, экспертиза, суггестивная лингвистика, дискурсология и пр. [см., например: 3; 6; 8].

Все мысли Романа Jakobson были обращены в будущее. Он любил цитировать слова Велимира Хлебникова: «Я осознал, что родина творчества — в будущем; оттуда веет ветер богов слова». В 1975 г., будучи в последний раз в России, 79-летний Р. Jakobson говорил: «Терпеть не могу сидеть и писать воспоминания. Мои мысли заняты не прошлым, а будущим, хотя его и немного осталось».

Теперь, пытаясь осознать наследие будетлянина лингвистики, мы находим не только подтверждение того, что многие его идеи реализовались сейчас, но и удивительные векторы, указывающие на возможное будущее прикладной лингвистики.

Анализируя концепцию Леви-Стросса, согласно которой общественная коммуникация осуществляется на трех различных стратегических уровнях: обмен сообщениями, обмен удобствами (товарами и услугами) и обмен брачными партнерами, Якобсон замечает, что междисциплинарное изучение символического языкового аспекта каждого из уровней — одна из наиболее выигрышных задач *прикладной* семиотики, ядром которой является лингвистика [33: 379—380].

Логоцентрический подход обеспечивает центробежность лингвистического функционального анализа, обуславливает фундаментальную роль лингвистики в создании единой науки о коммуникации, которая должна охватить социальную антропологию, экономику и семиотику.

Такой аспект исследования функционирования языка — дело будущего, а это означает, что будущее Романа Якобсона бесконечно.

-
1. Баранов А. М. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2001.
 2. Бардина Н. В. Античный ЛОГОС глазами современного лингвиста // 'Ερμηνεύς : Труды по герменевтике. — Вып.1. — Одесса, 1999. — С.115—137.
 3. Бардина Н. В. Античные истоки современной прикладной лингвистики // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 4. Грецький спадок і сучасність. — Одеса, 2003. — С. 256—269.
 4. Бардіна Н. В. Сучасні проблеми прикладної лінгвістики // Мова. — 2004. — № 9. — С. 5—14.
 5. Бардина Н. В. Горизонты психолінгвистической экспертизы // Горизонты прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій: Доповіді міжнародної наукової конференції 20—27 вересня 2006. Україна. Крим. Партеніт. — Сімферополь: Вид-во «ДиАйПи». — 2006. — С. 167—168.
 6. Бардіна Н. В. Прикладная, структурная, математическая, компьютерная лингвистика: эпистемологические координаты // Горизонты

- прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій: Доповіді міжнародної наукової конференції 20–27 вересня 2006. Україна. Крим. Партеніт. — Сімферополь: Вид-во «ДиАйПи». — 2006. — С. 24–25.
7. Бардина Н. В. Дискурсивные средства манипуляции надсубъектным сознанием // Мова и культура. — Вып. 9, Т. 1 (89). — К., 2007. — С. 178–189.
 8. Декарт Р. Правила для руководства ума // Ренэ Декарт. Избранные произведения. — М., 1950. — С. 77–171.
 9. Иванов В. В. Теория фонологических различительных признаков // Новое в лингвистике. — Вып. 2. — М., 1962. — С. 139–172.
 10. Иванов Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Jakobsona // Роман Jakobson. Избранные работы. — М., 1985. — С. 5–29.
 11. Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Jakobsona // Роман Jakobson. Работы по поэтике. — М., 1987. — С. 5–22.
 12. Кибрик А. А. Communicative intentions and the structure of Russian television interview dialogues (Настоящее издание)
 13. Кругосвет: Энциклопедия // <http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009220/1009220a1.htm>
 14. Лефевр В. А «Непостижимая» эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии // Вопросы философии. — 1990. — №7. — С. 51–58.
 15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Ю. М. Лотман. Семиосфера. — СПб., 2000. — С. 150–391.
 16. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. — М., 2007.
 17. Пойа Д. Как решать задачу. — Львов, 1991.
 18. Рахилина Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. — М., 1990. — С. 46–51.
 19. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава-К., 2006.
 20. Словарь русского языка: В 4-х тт. — М., 1984.
 21. Степанов Ю. Краткая справка о системе взглядов // Философия языка: в границах и вне границ. — Х., 1999. — С. 8–13.

22. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. — М., 1995. — С. 74—117.
23. Швырев В. С. Теория // Философский энциклопедический словарь — М., 1983. — С. 676—678.
24. Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. — Вып. 2. — М., 1962. — С. 173—230.
25. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. — Вып. 2. — М., 1962. — С.231—279.
26. Якобсон Р. Лингвистика и теория связи // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. 2. — М., 1965. — С.383—394.
27. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. — С. 193—230.
28. Якобсон Р. Звук и значение // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 30—104.
29. Якобсон Р. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 105—112.
30. Якобсон Р. Мозг и язык // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 270—286.
31. Якобсон Р. Лингвистические типы афазии // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 287—300.
32. Якобсон Р. Часть и целое в языке // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 301—305.
33. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 369—420.
34. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 361—368.
35. Якобсон Р. Двадцатый век в европейском и американском языкознании: тенденции и развитие // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С. 348—360.
36. Якобсон Р. Ускользающее начало // Роман Якобсон. Избранные работы. — М., 1985. — С.423—424.

37. Якобсон Р. Вопросы поэтики // Роман Якобсон. Работы по поэтике. — М., 1987. — С. 80—99.
38. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Роман Якобсон. Работы по поэтике. — М., 1987. — С. 324—329.
39. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: Сборник. — М., 1990. — С. 110—133.
40. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология. — М., 2001. — С. 111—126.
41. Brown K. (Editor). Encyclopedia of Language and Linguistics. — 2nd ed. — Oxford, 2005 // Док. HTML. <http://www.tlumaczenia-angelski.info/linguistics/applied-linguistics.htm>.